

## Глава 18. Краса, способная рушить царства

— Приветствую Ваше Величество, — Чжао Бучжи склонился в глубоком поклоне.

Он отчаянно заставлял себя не смотреть на Сюй Нуо, но мысли метались, не давая покоя. Что тот чувствует? Изумление? Обиду? Страх? Или... радость?

"Радость? — Чжао Бучжи мысленно сжал зубы. — Разве он станет радоваться?"

Лин Сичу посмотрел на стоявших плечом к плечу юношей и с улыбкой произнес:

— Вы оба сегодня здесь, и теперь Банкет Поиска Ароматов можно считать завершенным. Цзю-эр, ты уже вырос. Тебе стоит чаще просить совета у Бучжи.

— Ваше Величество преувеличивает, я не достоин столь высокой чести, — бесстрастно отозвался Чжао Бучжи.

Сейчас у него не осталось сил даже на притворство — все мысли занимал один лишь Сюй Нуо.

— Не вижу, чему я мог бы поучиться у этой Деревяшки Чжао, — мгновенно вставил Лин Цзюмо.

— Девятый принц, держите себя в руках.

— А я к вам и не пристаю.

— Замолчи, Цзю-эр, — мягко, но строго вмешалась Вэнь Цайэр, всем своим видом являя царственное величие и кротость.

Однако, встретившись взглядом с Чжао Бучжи, она внутренне содрогнулась. Он смотрел остро и холодно, словно пронзал насквозь. Он выглядел высокомерно, а его черты лица казались высеченными из камня. Даже перед лицом правящей четы Великий наставник держался с непреклонной гордостью. Ему было всего двадцать пять лет, но он уже занимал пост Великого наставника Чжуцзуэ, обладая высшим первым рангом. Его отец, Чжао Куан, в прошлом занимал пост Министра чинов, а ныне пребывал на покое, лишенный официальных должностей, однако влияние семьи Чжао в столице по-прежнему оставалось неоспоримым.

— Присаживайтесь, давайте лучше посмотрим на представление, — с едва заметной усмешкой произнес Лин Сичу.

В его глазах сквозило нечто неуловимое и пугающее, отчего у Вэнь Цайэр похолодело внутри.

Лин Цзюмо лишь усмехнулся и, потянув за собой Сюй Нуо, усадил его прямо напротив Чжао Бучжи.

Чжао Бучжи чувствовал, как в рукаве мелко дрожат пальцы. Должно быть, со стороны он выглядел взбешенным. Проклятье, почему он совершенно потерял самообладание! Почувствовав на себе чей-то пристальный взор, он вскинул голову, готовый испепелить наглеца взглядом, но замер. На него смотрел Сюй Нуо.

Юноша смотрел прямо, ничуть не пытаясь уклониться от ответного взгляда, а его лицо оставалось безучастным и спокойным.

И пускай Сюй Нуо смотрел прямо на него, Чжао Бучжи слишком хорошо знал этот отсутствующий, кристально чистый взгляд.

"Тот снова витал в облаках, — подумал Великий наставник, чувствуя, как внутри закипает глухой гнев. — Наверняка опять вспоминает своего Тяньи!"

Сам он от одной лишь встречи лишился покоя, а этот мальчишка смеет оставаться безмятежным! Чжао Бучжи в сердцах отвернулся и посмотрел на танцевальную площадку, где в алом одеянии кружился неописуемо прекрасный Лю Даньцай. Что ж, похоже, сегодня здесь тосковал не он один.

Встретившись глазами с Чжао Бучжи, Сюй Нуо не почувствовал ровным счетом ничего. Человек, который когда-то мнил себя всемогущим кукловодом и пытался играть его судьбой, не оставил в его душе даже следа. Некоторые раны, пока свежи, кажутся смертельными, но проходит время, и от них не остается даже шрамов. Сюй Нуо невольно вспомнил Чжао Тяньи.

"Ты стал каплей киновари на моем сердце, — мысленно вздохнул он. — Интересно, сколько еще должно пройти времени, прежде чем и эта тоска рассеется, подобно былой обиде на Чжао Бучжи?"

Нежная, чувственная красота Лю Даньцай, властное и холодное благородство Чжао Бучжи, дерзкое обаяние Девятого принца и непостижимая отрешенность Сюй Нуо — любой из этой четверки мог в один миг покорить чье угодно сердце.

Вэнь Цайэр тем временем не сводила глаз с Чжао Бучжи. В его осанке, в каждом движении она видела то, что знала слишком хорошо — безграничное высокомерие.

Заметив выражение лица Сюй Нуо, Лин Цзюмо сощурил глаза, ставшие похожими на два полумесяца, и, склонившись к самому уху юноши, прошептал:

— Ну что, теперь-то ты веришь, что я уже три года подряд возглавляю список завидных женихов Чжуцуэ?

Сюй Нуо удивленно огляделся. Действительно, и знатные дамы в годах, и совсем юные девушки смотрели на принца с нескрываемым восхищением. Примечательно, что на Чжао Бучжи куда чаще засматривались мужчины.

Сюй Нуо едва заметно кивнул и слегка отодвинулся, одарив принца скептическим взглядом. Лин Цзюмо в ответ лишь лучезарно улыбнулся.

"Да уж, его красота — это настоящее проклятие".

Разрушая повисшее молчание, Лин Сичу громко рассмеялся:

— Продолжайте представление!

Пространство посреди зала освободили. Гости, отвлекшись от сидевших во главе стола юношей, устремили все внимание на Лю Даньцая.

Воцарилась глубокая тишина. Одетый в женское платье юноша взмахнул легкими, словно крылья птицы, рукавами. Шелковые ленты на его поясе взвились послушными драконами. Он плавно заскользил по красному ковру, и его обнаженные ступни сияли на ярком сукне чистейшим белым нефритом.

Раздались чарующие звуки мелодии «Опьяненный сад». Танцор, легкий как ласточка, взмыл в воздух, и из его широких рукавов дождем посыпались цветочные лепестки. Сделав несколько стремительных пируэтов, он плавно опустился на землю. Когда шелк рукавов приоткрыл его лицо, зрители ахнули: щеки юноши тронул нежный румянец, он смотрел с осенней прохладой вод, а в губах он держал веточку алой сливы-мейхуа. Тонкий аромат орхидеи окутал сцену — сам цветок поблек бы рядом с этой красотой.

Даже высокомерный Лин Цзюмо невольно залюбовался им. Что и говорить, Чжао Бучжи знал толк в искусстве. Принц прекрасно понимал, что этого юношу подослали с тайным умыслом, но все равно оставил его при себе.

Ему вдруг захотелось взглянуть на реакцию Сюй Нуо. Тот слегка нахмурился, он выглядел глубоко задумчивым.

Чжао Бучжи даже не смотрел на сцену, сколь бы великолепным ни был танец. Он лишь требовал у служанки наполнять кубок снова и снова, глуша вином необъяснимый, разрывающий душу трепет. В голове царил полнейший сумбур, мысли путались. Наверное, он просто пьян. Что ж, так даже лучше.

Юный красавец на сцене манил и очаровывал каждым движением, каждым мимолетным взглядом, заставляя сердца зрителей биться чаще. Однако Сюй Нуо видел то, что скрывалось за этой безупречной маской — невыплаканную обиду и глухое отчаяние в самой глубине души

танцора.

Когда-то он и сам готов был притворяться шутом, лишь бы заслужить улыбку Чжао Тяньи. Но так и не смог достучаться до его холодного сердца.

Времена меняются, декорации тоже, но слепая преданность и желание отдать все ради любимого остаются неизменными во все века. Сидящий рядом Лин Цзюмо заворуженно наблюдал за представлением. Неужели этот танец предназначался именно ему?

Это был совершенно иной мир, чуждый и непонятный. Здесь богатые мужи безраздельно властвовали над своими женами и наложницами, требуя абсолютной покорности... Мысли Сюй Нуо вновь уносили его далеко прочь.

Лю Даньцай запел, и его голос зазвучал чисто и нежно:

— На севере дивном дева живет, прекрасней которой не знает земля. Один ее взор — и падет крепость, второй ее взор — и погибнет царство. Но как позабыть, что падет и стена, и царство падет? Красавицу эту вовек не вернуть...

Пение лилось легко и свободно, напоминая шелест ветра в небесах.

"Красавицу вовек не вернуть... — Лю Даньцай чувствовал, как к горлу подступает горький ком. — Муж идет на смерть ради того, кто его ценит, а дева украшает себя ради того, кто ей мил. Я рожден мужчиной, но безропотно облачился в женские шелка лишь ради того, чтобы уловить на себе твой взгляд. Богатство и слава для меня — лишь прах под ногами, я желал лишь одного: покорить твое сердце, чтобы вместе дожить до седин. Но когда ты во всеуслышание объявил этого Сюй Нуо своим наложником, в твоем голосе звучало такое нетерпение... Слышал ли ты, как в тот миг вдребезги разбилось чужое сердце?"

"Девятый принц, нам не суждено быть вместе в этой жизни, — продолжал он мысленно взывать к тому, кто его не слышал. — Но если я тебе безразличен, зачем было вчера дарить мне ложную надежду? Вся моя бессонная ночь, полная сладких мук — неужели для тебя это была лишь мимолетная забава?"

Алые одежды взметнулись огненным вихрем, и в этот миг из глаз его безудержно хлынули слезы.

Музыка смолкла. Закрыв лицо рукавами, юноша поспешно скрылся за ширмами. Лин Цзюмо на мгновение растерялся, а затем резко поднялся и последовал за ним.

Сюй Нуо посмотрел на опустевшее место рядом с собой. В памяти всплыл вчерашний поцелуй, который он сам же и затеял.

"Похоже, я снова все испортил".

"Тебе никогда не обрести истинной любви, ибо вся твоя жизнь пройдет в вечных поисках".

"Неужели старый буддист оказался прав? — тоскливо подумал он. — Сначала Чжао Тяньи, затем Чжао Бучжи, а теперь Лин Цзюмо... Ни один из них так и не стал моей гаванью".

Ему нестерпимо захотелось выпить. Подняв со стола чарку с прозрачным вином, он осушил ее одним глотком. Какое же это проклятие — обладать слишком пронизательным умом. Жизнь человеческая подобна сну, и любые страдания длятся лишь жалкие несколько десятков лет. Он же, вырванный из вечного круга перерождений, вынужден скитаться бесплотным призраком в чужом мире, где так и не смог отыскать того, кому доверил бы израненную душу.

Сюй Нуо потерял счет выпитым чаркам. Сквозь хмельной туман ему почудился тихий голос, шептавший старую буддийскую мудрость: «Море страданий безбрежно, но стоит лишь обернуться — и обретешь спасительный берег...»

Должно быть, он окончательно захмелел. Что ж, забытие — лучшее лекарство.

— Ну что, досточтимые мужи, как вам сегодняшнее представление? — с добродушной улыбкой поинтересовался Лин Сичу.

Присутствующие словно очнулись от чар и наперебой принялись расточать похвалы:

— Подобная музыка может звучать лишь в чертогах небожителей! Смертным редко выпадает счастье услышать ее на земле!

Император сиял от гордости. По его знаку на сцену вышли другие артисты. И хотя их номера не могли сравниться с завораживающим танцем Лю Даньцая, они все же показали немало новых диковинных трюков, позабавивших искусственную публику.

Вэнь Цайэр перевела взгляд на Сюй Нуо.

"Должно быть, малютка приревновал", — подумала она с легкой улыбкой.

Сегодня он не казался таким холодным и отстраненным, как обычно. Пурпурный румянец на щеках придавал его лицу живое очарование, делая его ближе и понятнее. С тех пор как она впервые увидела его во Дворце Цинчи, мысли об этом юноше не покидали ее ни на день. Вчера она поддалась необъяснимому порыву и призвала его к себе, но, когда он вошел, так и не смогла подобрать нужных слов. И все же одного взгляда на него хватило, чтобы на душе воцарился покой. Он был неразговорчив, но в его чистых глазах светился незаурядный ум.

"Если бы мой Цзю-эр был хоть наполовину столь же покладист, мне не о чем было бы тревожиться", — вздохнула императрица.

Она невольно коснулась шеи. В этот миг ей показалось, будто за ее спиной притаился кто-то невидимый и зловещий. Вэнь Цайэр похолодела от ужаса и опустила взор, не смея больше смотреть на пирующих гостей. Ей чудилось, что каждый обращенный к ней взгляд способен выдать ее страшную тайну.

"Долги прошлого рано или поздно придется платить".

Она крепко сжала ладонь сидящего рядом супруга.

"Сичу... Если меня не станет, как ты это перенесешь?"

Лин Сичу почувствовал, как затрепетала ее рука. Веселая улыбка сошла с его лица, сменившись искренней тревогой. Он поднялся и властным жестом остановил веселье:

— Досточтимые подданные, продолжайте трапезу. Мы же притомились и вынуждены покинуть вас, дабы почивать.

Он бережно помог Вэнь Цайэр подняться.

— Цайэр, пойдем. Тебе нужен отдых.

Императрица лишь молча кивнула, зажмурившись, чтобы не видеть его полных нежности и заботы глаз.

Когда императорская чета удалилась, гости вздохнули свободнее, готовые предаться безудержному веселью. И все же атмосфера в праздничном зале неуловимо изменилась, став натянутой и странной.

<http://bllate.org/book/20483/2162192>